

лет проходила рукопись Крона «Капитан дальнего плавания». Я думаю, что Евтушенко мог бы сказать, как редколлегия отстаивала его поэмы «Мама и нейтронная бомба» и «Фуку!», а Вознесенский — как проходила повесть его «О», «Вдовый пароход» Грековой, и «Комбайн косит и молотит» Черниченко, и десятки других... Причем каждый из авторов отвоевал, отстрадал за свою рукопись и отошел в сторону, а работники редакции все те же и принимаются за очередную тяжбу. А биться приходится еще и на два фронта. Из трех тысяч, как вы понимаете, может быть опубликовано 12 романов (если с продолжением, по роману в номере, да на подверстку повести или рассказы), а остальные 2950 авторов окажутся обиженными, и уж сотня из них обязательно напишет письма в Центральный Комитет о том, какие не понимающие политики партии люди засели в «Новом мире». (А п л о д и с м е н т ы.)

А некоторые, как мы вчера слышали даже с трибуны съезда заявляют, что мы допустили грубейшую ошибку, не опубликовав его, а опубликовав другого.

Кстати, я хочу поблагодарить товарища Можая за мягкую критику. Он сказал, что у нас в двух номерах были опубликованы слабые вещи. Нет, товарищ Можая, таких слабых номеров у нас гораздо больше.

Извините, придется и отмываться немножко. Насчет того, что, как сказал Можая, будто я загряз Василия Рослякова за отрицательную рецензию на мою рукопись, которая лежит в «Советском писателе» («Писатель и время»), и что она на уровне стенгазеты. Я должен сказать, что у меня нет такой рукописи, просто ее нет. И товарищ Можая, наверное, спутал меня с Карповым, который жил в Минске, или с каким-то другим Карповым. (С м е х, о ж и в л е н и е в з а л е.)

Ну, а «изуродованный, изрубленный» мной Василий Росляков благополучно заканчивает работу над рукописью и будет скоро публиковаться. Я думаю, он возьмет справку и сам об этом скажет. Так же и Дудинцев, с которым нас если что и связывает, то только абсолютная ясность и полное взаимопонимание.

Дорогие товарищи!

Мне хочется, чтобы мы, приближаясь к заключительной фазе нашего съезда, когда нужно будет принимать решение, вспомнили, что мы единомышленники и главное, что мы собрались для того, чтобы найти четкие пути для осуществления тех прекрасных, окрыляющих всех нас задач, которые поставила перед нами жизнь, партия и судьба народа. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется Василию Ивановичу Белову.

В. БЕЛОВ. Наверное, у меня ничего не получится, слишком высока трибуна. (С м е х в з а л е.)

Товарищи делегаты и гости съезда!

В первый день съезда прозвучало новое для меня словосочетание — «партийность и интеллигентность». До сих пор критики и литературоведы сочтали слово партийность со-

словом народность. Почему же нынче потребовалось заменить народность интеллигентностью? Произошло это, по-видимому, в связи с письмом грузинских товарищей по поводу астафьевского рассказа. Но мне совершенно ясно, что рассказ Астафьева был лишь поводом для очередного наскока на журнал «Наш современник». Не случайно еще в «Союзпечати» не появился этот журнал, а ксерокопия туда, в Тбилиси, была уже представлена. Я понимаю, что не очень прилично защищать журнал, в редколлегии которого состоишь сам. Но что делать. Журнал лягают, бодают и тычут, причем вовсе не за художественные просчеты, а за что-то иное. Но за что?

Может быть, это случилось в связи с тем, что повесть Дангулова в журнале не пошла? Напоминаю, какая грандиозная, многомиллионная армия пишущих образовалась вокруг издательства, журналов, газет, около театра, кино, радио и телевидения. Мы превратили литературу в «кормушку». Давайте честно признаем сначала этот факт, после чего легче толковать обо всем остальном. Например, о литературной молодежи, о литературной смене. Я знаю, что, помимо писателей, получающих за свою работу деньги, есть писатели, которые работают совсем не ради денег. Вот таких-то и надо искать в среде молодежи, таких и надо поддерживать! Но на практике получается все наоборот.

Чтобы принять в Союз писателей, мы требуем от начинающего книгу, а где он ее издаст? Я помню, как Николая Рубцова и близко не подпускали к Северо-Западному издательству. Ему надо было умереть, чтобы начали его печатать. Издаться в Москве или Ленинграде тоже невозможно. И вот истинные таланты вянут и сохнут на корню.

На XXVII съезде партии прозвучало обещание восстановить несколько местных издательств, но, увы, это только пока обещание. Боюсь, что оно так и останется обещанием, тем более того, кто выступал, нет уже в этом зале.

Товарищи! Есть вещи для нас еще более грозные. Вчера на съезде прозвучала мимолетная фраза о «неблагополучной» демографической ситуации. Прозвучала робко и целомудренно, с традиционной прибалтийской скромностью. Дело не только в том, что необходимо остановить войну и предотвратить неожиданные глобальные катастрофы. Меня, русского человека, отнюдь не радует и перспектива медленного, постепенного исчезновения, например, Литвы, ее полное слияние с другими народами. Какая тоска пришла бы на Землю, какая скука нахлынула бы, если бы остался всего один язык, похожий на эсперанто! Зачем мне такое будущее, если люди будут есть одинаковую еду, носить одинаковую одежду, строить одинаковые жилища?

Позвольте сказать, что «демографическая ситуация» неблагоприятна не только в Прибалтике. Она неблагоприятна и у меня на родине, в так называемом Нечерноземье. И я хорошо знаю, что и Витаустасу Бубнису, и Василю Быкову больно за мою родную деревню Тимониху, в которой вот уже много лет не звучат детские голоса. Не звучат они и в

соседних деревнях. Целые сельсоветы, целые регионы Госпланом объявлены неперспективными. Я уже говорил об этом на республиканском съезде. В чем тут дело? Не будем вспоминать тридцатые годы, вспомним боевые — сороковые. Из каждого десятка вологодских мужиков, ушедших на фронт, осталось в живых только трое, половина из них умерли от ран и болезней. Однако земля, возделанная деревнями новгородцами, продолжала запускать и в послевоенные годы, т. е. в наше время, причем вовсе не по вине самих крестьян. Теперь по моей нечелювной родине готовится новый удар — создан дикий, античеловечный проект переброса воды. По этому плану будут затоплены леса и пахотные земли, сенокосные угодья, деревни, села, древнейшие памятники и ландшафты.

Сделать все это было поручено Министерству мелиорации, которое возглавляет т. Васильев. Обитает оно, конечно, здесь, в Москве. Народ всегда от любых ударов защищал Москву — свою столицу. Почему же ныне нам, вологжанам, приходится защищаться от Москвы? (А п л о д и с м е н т ы.) Вот уже более десяти лет мы ведем неравную борьбу против перебросчиков. Вместо того чтобы создавать новые книги, мы тратим свои силы на эту борьбу. И кажется иногда, что кто-то нарочно придумывает эти проекты, чтобы писатели не занимались своим прямым делом и ничего не писали. Во всяком случае, у Даниила Гранина наверняка лежат на столе незаконченные рукописи, но ему приходится тратить энергию на выступления против грандиозной, но ненужной плотины. Сергей Павлович Залыгин уже много лет мужественно разоблачает ведомственную демагогию. Когда же у нас появится наконец передышка?

Перед XXVII съездом партии, когда широко и всенародно обсуждались планы экономического и социального развития, упомянутый проект был наконец осужден публично и недвусмысленно. Решением съезда планы по перебросу дунайской воды в Днепр и северной воды в Волгу были исключены. Было ясно, что постановление ЦК и Совмина от 23 октября 1984 года теряет свою силу. Да, оно теряет силу, но только не для Минводхоза! И вот, ссылаясь на него, перебросчики продолжают свою вредительскую деятельность. У нас там строят уже подъезды, причалы, завезена техника. Против начавшихся работ выступают местные жители, партийные организации и советские органы, протестуют многие академики, ученые специалисты, целые отделения Академии наук выступают против, но... все напрасно. А почему? А потому, что перебросчиков поддерживает сам академик Александров, кстати, под руководством которого проектировался и чернобыльский блок. А сейчас перебросчики и мелиораторы, эти пожиратели народных денег (более ста миллиардов), выступили за разрушение и наших земель. И то, что мы покупаем пшеницу в Канаде, — это позор! Вот эти люди, которые тратят зря государственные деньги и ничего не дают государству, нашли поддержку в Госплане. Об этом говорил уже В. Распутин, но

я выбросил это место и не буду задерживать ваше внимание.

Вчера Е. А. Евтушенко (с этой самой высокой в стране трибуны) очень живописно обрисовал страдание одного писательского роля.

Ах, если бы Евгений Александрович с таким же пылом защитил не роля, а целую оперу Глинки, с ее урезанной партитурой! Или знаменитую поэму Некрасова, отредактированную уже в наше, советское время.

А заодно поднял бы Евгений Александрович голос против перебросчиков, спас бы мои родные озера Воже и Лача. Более 800 лет тому назад на озере Лача Даниил Заточник обличал княжеских зашутелей. Я не буду перечислять и цитировать древних писателей, чтобы сэкономить время для других выступающих. Но мне и впрямь кажется, что нынешняя русская литература не растеряла традиций.

Бюрократизм после XXVII съезда партии значительно обновил способы своего существования. Он, словно гриппозный вирус, превосходно и быстро приспосабливается к новым условиям. Тягаться с этим вирусом придется долго, и я не завидую М. С. Горбачеву, Ельцину, Лигачеву: им еще тяжелее приходится! (А п л о д и с м е н т ы.) С этим бюрократическим вирусом, прекрасно развивающимся и в новых условиях, придется бороться всем, и в том числе нам, писателям.

Но я повторяю: наша советская литература не растеряла своих традиций. (А п л о д и с м е н т ы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Олжас Омарович Сулейменов.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Дорогие товарищи! Съезд длится уже несколько дней. И очевидно: идет поиск форм дискуссий, достойных такого собрания.

Что скрывать, течение съезда порождает вопрос, часто возникающий в этом году. Станет ли переломный период временем осуществления народных надежд или его энергия уйдет на удовлетворение ущемленных амбиций? Посланники семидесяти древних и юных литератур летели за тысячу километров со всех концов страны, чтобы поговорить о том, как нам быть в изменяющихся условиях. Как улучшить взаимодействие, как убрать препятствия с пути писательского слова к читателю.

И что это за препятствия? Время новое, а они те же.

Правда все еще не одна, их еще много, правд. Есть народная, есть государственная, есть художественная, которая почему-то должна отличаться от правды жизни.

Врачи давно доказали, что рафинированные продукты вредны для организма. А промышленность продолжает выпускать только рафинированные соль, сахар, растительное масло. И не собирается перестраивать налаженное производство.

Так и в литературе. Нас призывают отражать реальную действительность, уходить от схематизма. Но в книгах продолжают тщательно отбеливать сахар, соль убирают